

Круглов Александр Васильевич

Котофей Котофеевич

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич К.**
Котофей Котофеевич / Круглов Александр Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
184 с.

ISBN 978-5-519-91255-6

ISBN 978-5-519-91255-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К О Т А Ш К А.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Читатель сильно ошибется, если подумаетъ, что я въ этой главѣ поведу рѣчь о настоящихъ ласточкахъ, которыя, по выраженію поэта, «щебетали, какъ дѣти». Напротивъ, я буду говорить о дѣтяхъ, которыя щебетали какъ ласточки и носили къ тому же фамилію, дававшую право называть ихъ этимъ именемъ.

Каждую весну возвращались они въ свое родовое гнѣздышко, свитое уже давно и очень прочно дальнимъ ихъ предкомъ, отставнымъ заслуженнымъ Екатерининскимъ воиномъ, купившимъ небольшое имѣніе Нагорное и переименовавшимъ его въ Ласточкино.

«Ласточкино гнѣздо», какъ прозвали крестьяне барскую усадьбу, помѣщалось на высокомъ, красивомъ холмѣ,

съ котораго открывался живописный видъ на окрестности. Фасадомъ барскій домъ — сѣрый, съ зеленой крышей — выходилъ на обрывистую сторону холма, который какъ бы опоясывала синяя лента рѣки, вытекавшей изъ виднѣвшагося лѣса. Она описывала небольшую дугу у подошвы возвышенности, затѣмъ катила далѣе свои спокойныя, свѣтлыя воды, какъ бы разрѣзая встрѣчавшіеся на пути луга и поля, привольно раскинувшіеся по обоимъ берегамъ. Свѣтлая, съ излучиною по срединѣ, небольшая рѣчка казалась очень красивою въ зеленой рамѣ изъ травы и кустарника. На горизонтѣ рѣка сливалась съ другою, шедшею перпендикулярно и окаймлявшею горизонтъ серебристою полоскою, которая особенно блестѣла при солнечномъ закатѣ.

На низкомъ берегу рѣки, противоположномъ тому, на которомъ раскинулось Ласточкино, ютилась небольшая деревенька въ нѣсколько дворовъ. Между усадьбой и деревенькой, нѣкогда принадлежавшей Ласточкинымъ, существовали самыя дружескія, хорошія отношенія.

Какъ только начиналъ таять снѣгъ, появлялись жаворонки и солнце жарче грѣло землю своими лучами, — крестьяне говорили любовно: а вотъ гляди, скоро и наши *ласточки* прилетятъ.

Прилетѣли они по обыкновенію и въ ту весну, съ которой начинается нашъ рассказъ.

Познакомивъ читателя съ «ласточкинмъ гнѣздомъ», считаю необходимымъ теперь представить ему самихъ обитателей «гнѣзда». Начну съ его владѣтеля, отца нашихъ «ласточекъ». Это былъ высокій, плотный мужчина, осанистаго вида, съ полнымъ лицомъ, обрамлен-

нымъ каштановыми волосами, и такой же бородою. Сѣрые глаза смотрѣли серіозно; широкій лобъ — изборожденъ легкими морщинами. Вся фигура его отличалась степенностью и спокойствіемъ, онъ ходилъ неторопливо, говорилъ обдуманно, вѣско. Крестьяне его уважали, какъ дѣловитаго хозина и любили, какъ добраго и справедливаго человѣка.

Жена Павла Михайловича, Софья Владиміровна, была худошавал блондинка средняго роста, съ симпатичнымъ, нѣсколько продолговатымъ лицомъ, съ доброй улыбкой. Каріе глаза мягко свѣтились изъ-подъ темныхъ дугъ тонкихъ бровей. Въ противоположность мужу, она была жива, подвижна и любила поговорить.

«И что у насъ за барыня», отзывались о ней крестьяне: «какое хошь горе разговорить, и такъ-то легко, весело станеть на сердцѣ, будто и горя не бывало. Даль же Богъ такой разговоръ человѣку!»

Старшимъ изъ дѣтей былъ Лева; мальчикъ одиннадцати лѣтъ, не по лѣтамъ высокій, худошаваго, но крѣпкаго сложенія, съ темными, коротко остриженными волосами, съ сѣрыми отцовскими глазами, смотрѣвшими серіозно и вдумчиво. Удлиненное лицо было нѣсколько блѣдно, носъ прямой — признакъ, какъ говорятъ многіе, открытаго, честнаго характера. И дѣйствительно Лева былъ таковъ. Но, несмотря на свою кажущуюся серіозность, онъ былъ мальчикъ подвижной, смѣтливый и бойкій на разговоръ. Онъ ничего не дѣлалъ, не подумавши, но уже затѣмъ, рѣшивши, шелъ къ цѣли увѣренно и упорно. Онъ не любилъ жаловаться и почти никогда не плакалъ.

Полную противоположность Левъ представлялъ его братъ, десятилѣтній Коля. Онъ былъ значительно меньше ростомъ, полный, какъ говорится, рыхлый, съ розовымъ, какъ у дѣвочки, лицомъ, обрамленнымъ бѣлокурыми, вьющимися мягкими волосами. Глаза каріе, какъ у матери; на крупныхъ коралловыхъ губахъ точно застыла лѣнивая улыбка. Коля любилъ плакать, отчего и получилъ отъ брата названіе дѣвчонки и плаксы. Онъ былъ способенъ просидѣть на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ сряду, ничего не дѣлая. Лѣнивый и ненаходчивый, онъ легко конфузился, и его, не безъ причины называли также трусишкой. Онъ былъ къ тому же большой лакомка и во всякое время съ охотой ѣлъ варенье и конфеты.

Самую младшею изъ «ласточекъ» была Надя, девятилѣтняя полная дѣвочка, съ розовыми щечками, съ прищуренными карими глазками. Пѣвунья, хохотунья, она пользовалась общей любовью старшихъ и дѣтей; изъ братьевъ — была очень дружна съ Левою. Льняные шелковистые волосы, любила заплетать въ толстую косу, перевязывая ее цвѣтной лентой. Она была умна, сообразительна и, несмотря на свою полноту, рѣзва, ловка и даже изящна она любила игры, требующія движенія и проворства.

Она говорила всегда Колѣ:

— Ты больше дѣвочка, чѣмъ я.

Она относилась къ нему нѣсколько насмѣшливо.

Вотъ и вся «ласточкина семья».

Въ полномъ своемъ составѣ, на другой день пріѣзда въ усадьбу, она собралась на террасѣ, за утреннимъ чаемъ. Широкая терраса была лучшимъ мѣстомъ

въ домѣ: отсюда открывался превосходный видъ на окрестности.

Чай разливала гувернантка — нѣмка, жеманная дѣвица, лѣтъ тридцати пяти, сухая, длинная, съ поблекшей кожей на лицѣ, но одѣтая въ туго-стянутое платье, съ претензіей на моду. Она пріѣзжала въ Ласточкино уже въ третій разъ, но это ей не мѣшало ахать и восхищаться дивными красотою природы.

Софья Владиміровна слегка улыбалась на возгласы гувернантки, а самъ Ласточкинъ, не обращая на нее никакого вниманія, разговаривалъ съ учителемъ, молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати чetyрехъ.

Павелъ Михайловичъ говорилъ низкимъ, густымъ, но чрезвычайно пріятнымъ голосомъ. Залѣсовъ — (фамилія учителя) — слушалъ со вниманіемъ и только изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія.

Нѣсколько въ сторонѣ, за небольшимъ столикомъ, сидѣли дѣти. Они съ аппетитомъ кушали деревенское молоко, которое послѣ жидкаго столичнаго, казалось имъ необыкновенно вкуснымъ.

— Я очень люблю молоко, — заявилъ Коля, дѣлая большой глотокъ.

— А конфетъ не любишь? — спросила Надя.

— И конфеты люблю.

— Больше, чѣмъ молоко?

— Нѣтъ... А, впрочемъ, все хорошо. Я и варенье люблю.

— Знаю... Ты вѣдь извѣстный лакомка!

— А ты развѣ не любишь варенья?

— Я? я...

— Будетъ вамъ спорить! — перебилъ Лева: — вотъ что лучше: пойдите къ Михею.

— Теперь? — живо отозвалась сестра.

— Послѣ чаю. Онъ навѣрно что-нибудь приготовилъ для насъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — подхватила дѣвочка: — онъ непременно, что нибудь смастерилъ къ нашему пріѣзду. Ты пойдешь съ нами? — обратилась она къ Колѣ.

— Пожалуй... только не бѣжать, я не люблю бѣгать!

— Ха,-ха,-ха! — захохотала сестра: — онъ любитъ ходить, какъ дѣдушка, бывало: нога за ногу, съ палочкой. Ну, какъ хочешь а мы съ Левою побѣжимъ — скоро, скоро, — не такъ ли, Лева?

— Разумѣется!

— Только надо сказать Александру Петровичу, — замѣтилъ Коля.

— Скажемъ, скажемъ, не безпокойся, — отвѣтила Надя.

— Но онъ сейчасъ съ нами едва ли пойдетъ, — замѣтилъ Лева.

— А вы это куда собираетесь? — спросилъ учитель, въ разговорѣ съ Ласточкинымъ, не слыхавшій предыдущаго и только теперь, случайно, поймавшій послѣднюю фразу Левы.

— Къ Михею, — Александръ Петровичъ, — отозвался Лева.

— Кто это такой? — спросилъ учитель.

— Это ихъ другъ и пріятель... нашъ садовникъ, — промолвилъ съ улыбкой отецъ.

— Да, мы его очень любимъ! — горячо заявилъ Лева.

— Какія онъ игрушки дѣлаетъ, Александръ Петровичъ, — сказала Надя: — хлопущки, лошадки, домики — прелесть!

— Ага! Отчего же вы думали, что я не пойду? — полюбопытствовалъ учитель: — напротивъ, я съ большимъ удовольствіемъ; вотъ допью стаканъ — и пойдемте.

— Прекрасно, прекрасно! — воскликнулъ Лева. — Надя допивай скорѣе! — отнесся онъ къ сестрѣ.

— Сейчасъ!

— Но, моя милая, — вмѣшалась-было Каролина Карловна: — вамъ надо будетъ проходить музыку.

— Я займусь ею потомъ, — возразила Надя.

— Ахъ, мой другъ, потомъ глаголы...

— Ну, какая тамъ музыка да глаголы, добрѣйшая фрейлейнъ Шварцбергъ, — произнесъ Залѣсовъ: — такое прелестное утро, да и надо отдохнуть немного съ дороги...

наука отъ насъ не уйдетъ; не правда ли, Павелъ Михайловичъ? — обратился онъ къ Ласточкину.

— Да, пусть поотдохнутъ и полюбуются на свое гнѣздышко, — промолвилъ Павелъ Михайловичъ, поглаживая бороду.

— Значить можно, папочка? — радостно воскликнула Надя.

— Можно.

— Такъ я сейчасъ пойду и надѣну шляпку, — промолвила дѣвочка, быстро соскочивъ со стула и кидая на нѣмку взглядъ, который говорилъ: «что, взяла?»

